С.А. Шилина

АНАЛИЗ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОДА СУБЪЕКТА ВЛАСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

ШИЛИНА Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (e-mail: imsuck@ rambler.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы коммуникации субъекта власти, обусловленные языковыми особенностями личности и социальных девиантов объектов управления, не желающих ограничить себя рамками государственно-информационного пространства как отражение политико-информационных дискреций на примере взаимоотношений субъекта власти и социума.*

Анализ таких понятий, как «коммуникация», «коммуникативный код» и «власть» автор рассматривает с социологических и социолингвистических позиций. Особое внимание уделено социологической эволюции категории «власть».

Ключевые слова: *социолингвистический анализ, субъект власти, коммуникативный код, коммуникация, власть и общество.*

В мире происходят глобальные изменения: формируется информационное общество, одной из фундаментальных составляющих которого является свободный поток информации, призванный обеспечить реформационные перспективы управления и оптимизацию самоуправления в интересах индивида, общества и государства. Важную роль в этом процессе на протяжении тысячелетий играла воля политических и государственных деятелей, которая реализуется в языковом коде властвующего субъекта.

Основная гипотеза теоретического исследования: социолингвистический код субъекта власти, рассматриваемый с позиций реализации управления в процессе коммуникации, обусловлен языковыми особенностями личности и политико-информационной характеристикой эпохи. Код вербальной коммуникации субъекта власти и социальных девиантов объектов управления, не желающих ограничить себя рамками государственно-информационного пространства, вызван социальной бинарностью интересов властвующего субъекта и объектов управления.

Научная мысль, начиная с античности и до современности, рассматривает властные отношения с помощью вербального и других кодов, определяя коммуникативный процесс фактором, формирующим власть и отно-

шения между нею (властью) и обществом: общественный договор, основанный на естественном праве (Г. Гроций, Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббс, Д.Р. Локк, Б. Спиноза, И.Г. Фихте, Т. Пейн), собственность как источник имущественного неравенства и власти (Демокрит, Ж. Боден, Ф. Бэкон, Э.-Б. Кондильяк, А. Фергюсон, А. Смит); политические свободы (Д. Юм); мнения, способные приводить к политическим переворотам (А. Тюрго, Ж.-А. Кондорсе, А. де Сен-Симон).

Концепции коммуникативного характера интересны обществу в связи со становлением знания, или информации, как источника прогресса, с превращением его в основной товар информационного общества, а также в связи с тем, что коммуникация в виде общественного мнения способствует установлению и упрочению гражданского общества (К. Ясперс, Н. Луман, Ж. Маритен, Ю. Хабермас). Таким образом, все предшествующие теории (экономические, позитивного знания, общественного договора) аккумулируются в коммуникативных теориях.

Отсюда вытекает правомерность обращения к таким понятиям, как «коммуникация» (в том числе массовая), «коммуникативный код» и «власть». Код коммуникации рассматривается нами с социологических и социолингвистических позиций.

Код как «система условных знаков, символов, правил передачи информации по каналам связи предполагает наличие системы коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов), устанавливающих структуру обеих систем, каждая из которых управляется правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) синтагматически выстроены»[1].

Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале XX в. В широком смысле рассматривается как «процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию». Между людьми коммуникация осуществляется в форме общения. Социологическое направление коммуникации рассматривает «коммуникабельность информационных средств межличностного, межгруппового, международного общения».

В словаре-справочнике «Современные маркетинговые коммуникации» Ф.И. Шаркова находим определение коммуникации как «средства связи любых объектов материального и духовного мира», т. е. как определенной структуры. Ключевой проблемой коммуникации является механизм, который переводит индивидуальный процесс передачи и восприятия информации в социально значимый – персонального и массового воздей-

[1] *Гостенина, В.И., Шилина, С.А.* Код вербальной коммуникации субъекта власти как отражение языковой личности // IV Всероссийская научная конференция. Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое». – Рязань, 2008. – С. 82.

ствия. Этот механизм заложен в речевой деятельности людей: именно в ней реализуются социально обусловленные нормы и правила общения[1].

Отдельные аспекты усиления коммуникативных связей в обществе и роли коммуникации в процессах общественного развития начали рассматриваться в работах ученых и общественных деятелей XVIII–XIX вв. Одни отмечали влияние знания, общественного мнения на процессы позитивного развития общества (О. Конт), другие – психологические аспекты воздействия коммуникации на формирование общественного сознания (Г. Лебон, Г. Тард), третьи изучали правовую сторону возрастающих в своем влиянии коммуникативных отношений между обществом и властью (И.Я. Фойницкий), четвертые анализировали воздействие массовых коммуникаций на политические процессы (Т. Джефферсон, Дж. Мильтон, Т. Пейн). Однако никем эти аспекты не были рассмотрены в совокупности.

Рассмотрение проблемы взаимоотношений общества и власти с точки зрения коммуникативистики в большей степени характерно для политологов-коммуникативистов: М.С. Вершинина, Г.Г. Почепцова, А.И. Соловьева, В.П. Терина и др. Однако они пока не посвятили отдельных работ проблеме влияния средств массовой коммуникации на субъект-субъектные отношения власти и общества.

Категория «власть» до сих пор не имеет четкого определения. В классических философских концепциях власть – это особые отношения между людьми, способность осуществлять свою волю.

В античной философии анализ власти концентрировался на отношении «господство – подчинение», на исследовании природы государства. В Средние века эта линия получила дальнейшее развитие в учениях Монтескье, Гоббса, Локка, Макиавелли. По-новому взглянул на понятие власти Макс Вебер, определив ее, как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других.

Власть зачастую подразумевает угрозу применения силы или насилия, но, по мнению некоторых ученых, неспособность обеспечивать согласие без использования физического насилия означает, что власти не существует, а есть лишь попытка оказывать влияние через насилие. Современные социологи в связи с этим выдвигают следующие доводы. Т. Парсонс считает: власть – это способность мобилизовать ресурсы общества «для достижения целей, признанных всем обществом»[2].

Интересна позиция Т. Болла, изложенная в работе «Власть». Он пишет, что власть убеждать – уникальная сторона более широкой сферы власти, которой обладает homo sapiens[3]. Продолжая мысль ученого, дополним его

---

[1] См.: *Шарков, Ф.И.* Современные маркетинговые коммуникации. Словарь-справочник. – М., 2006.

[2] Цит.по: *Шаран, П.* Сравнительная политология. – М., 1992. – С. 85.

[3] См.: *Болл, Т.* Власть // Психология и психоанализ власти. – Т. 1. – Самара, 1999.

интенции тем, что субъект власти наряду с мобилизационной функцией убеждения наделен особым коммуникативным кодом, отражающим *статусный идиолект* (если понимать этот термин как совокупность речевых особенностей той или иной языковой личности. – *С. Ш.*), происходящий из знаково-семантического значения речи как символов и знаков отличия властного субъекта. Статусный идиолект субъекта власти поддерживается вербальным кодом подобно тому, как, по мнению Бодрийяра, к марксовой теории потребительной и меновой стоимости объекта – товара еще необходимо добавить категорию знаковой стоимости, в которой доминирует способность товара как знака не столько в удовлетворении потребности, сколько в символизации и репрезентации самой потребности, обозначающей как статус, так и вербальный код властного субъекта, который связывает с объектом управления неосознаваемая структура социальных связей, выраженная в особом коде вербальной коммуникации.

Так как общением создаются и поддерживаются статусные различия в человеческом сообществе, то и анализу понятия вербального кода власти предшествует разработка теории коммуникации. В предложенном контексте считаем необходимым ввести понятие *статусного социокода* субъекта власти.

Анализ такого кода языковой личности царя Ивана Васильевича IV (Грозного) ярко проявляется на фоне значительных для своего времени культурных открытий, одним из которых является книгопечатание.

Как известно, книгопечатание возникло на Руси во времена Ивана Грозного. Оно появилось в России на столетие позже, чем в Европе, и при этом являлось заимствованием (из экскурса в историю коммуникации видно, что к середине XV в. в ряде государств параллельно создавался типографский станок), потому что при интуитивной потребности в гласности русский народ, переживший гнет монголо-татарского ига и монополию духовенства на знание, не понимал, что в печатной продукции может обрести способ выражения своего мнения. Отсутствие спроса на печатную информацию не стимулировало развитие предложений по созданию печатающих механизмов. Более того, книгопечатание появилось в России не вдруг (хотя долго к этому шло), а в период правления Ивана IV потому, что основная работа по централизации Московского государства пришлась на годы его правления. Книгопечатание лишало церковь монополии в производстве книги и способствовало усилению «государевой» власти.

Важнейшей функцией книги была идеологическая. Можно сказать, что литература XVI в. – это литература прежде всего публицистическая, проникнутая пафосом политических столкновений, но в первую очередь защищающая идеологию сторонников централизованного государства. Она была орудием воздействия на социум и отличалась откровенно воинственной тенденциозностью.

Так, литературная сторона жизни России XVI в. примечательна произведениями Ивана Пересветова. У специалистов до сих пор возникают сомнения относительно его личности. Одни рассматривают Пересветова как личность исторически реальную, дававшую царю советы по управлению государством, большинство из которых было воплощено в действительность[1]. Другие полагают, что Иван Пересветов – это псевдоним либо группы авторов, либо самого Ивана Грозного. А произведения от его имени были написаны уже после реформ с целью их оправдания[2]. Основная идея этих произведений: самодержавие – средство для водворения на Русской земле, обиженной «сильными людьми» (боярами), человеческих взаимоотношений, основанных на правде. Ради правды и нужна «гроза царская».

Главные вопросы, волновавшие общественность в XVI столетии, были подняты в полемике боярина князя А.М. Курбского, вынужденного бежать в Литву в 1564 г., и Царя Ивана IV Грозного. Курбский в письменных обращениях к государю отрицал новый порядок, заведенный в Московском государстве, усматривая в нем насилие. Он считал «правильным» государственное устройство, основанное не на самовластии государей, а на совместном управлении государя, бояр и даже народа, путем использования боярского совета и земского собора. То есть Курбский не предлагал ничего нового, а лишь отстаивал прежние права. Царь Иван Грозный сводил свои политические идеалы к мысли о неограниченной самодержавной власти[3]. Характеризуя эпоху Ивана IV, Карамзин писал, что он признает за Иоанном много правительственных доблестей, деловитость, веротерпимость, любовь к просвещению, талант законодателя и государственного организатора[4]. И тем не менее царствование Иоанна, одно из многообещающих в его начале, историограф ставит по его конечным результатам в один ряд с монгольским игом и бедствиями удельного времени.

Соответственно, в литературе появились произведения, отстаивающие как одну, так и другую позицию. То есть, с одной стороны, литература несла христианский призыв к «терпению» и «смирению», которые должны были уравновесить произвол властей. С другой стороны, она поднимала вопросы системы государственного управления.

В «Домострое», собранном и отредактированном священником Благовещенской церкви в Москве Сильвестром, наставником и на определенном этапе сподвижником Ивана IV, десять глав из шестидесяти с лишним посвящено вопросам уважения гражданами светских и духовных властей: «Как царя или князя чтить и во всем им повиноваться, и всякой власти

[1] См.: *Зимин, А.А.* Пересветов и его современники. – М., 1958. – С. 425.

[2] См.: *Будовниц, И.У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. – С. 210.

[3] См.: *Шилина, С.А.* Языковая личность Ивана IV (на материале документов XVI– XVII веков). – Орел, 2003.

[4] См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского : в 4 кн. Кн. третья (т. VII– IX). – Ростов н/Д, 1990. – С. 482–513.

покоряться, и правдой служить им во всем, в большом и в малом...»; «Как почитать архиереев, а также священников и монахов, во всех скорбях душевных и телесных с пользою им исповедоваться» и т. д.[1]

Литература, но не светская, а духовная, была поставлена на службу интересам реформ в государственном и церковном управлении. Однако неисправные церковно-служебные книги нередко использовались в XVI в. в политической борьбе, толкуя «развратно» содержание «божественных книг». Вопрос об исправлении церковных книг был поставлен на Стоглавом соборе, созванном Иван IV и Митрополитом Макарием в 1551 г. Собор постановил ввести строгую духовную цензуру, конфисковать «неисправные» книги: «Святые книги должно списывать с добрых переводов, да справлять; так как воспрещается вносить в церковь неисправныя книги, то переписчик таких книг подвергается великому запрещению, покупающий не может пользоваться такими книгами, а продающий лишается самих книг, которые отбираются, справляются и отдаются в церкви, бедныя книгами»[2]. Собор обратился к царю с просьбой «запретить великим запрещением во всех городах, чтобы христиане не читали и не держали у себя книг богомерзких и еретических»[3]. Так появляются «отреченные», или запрещенные, книги и первые цензурные установления: «О исправлении книжном», «О книжных писцах», «О злых ересях» и др. Именно от Стоглавого собора можно рассматривать историю цензуры в России. Жесткая централизованная власть, стремясь к регламентации всех сфер жизнедеятельности общества, в первую очередь прибегла к контролю как за письменным, так и за устным словом с целью регуляции процессов формирования и развития общественного мнения.

С конца XV в. цензура распространяется и на летописные записи. И если в XV в. летописи все чаще контролируются государственной властью, постепенно превращаются в «чтение для политического воспитания подданных»[4], корректируют легенду о происхождении и значении нового московского государства, придавая Московской Руси черты избранной богом державы, а городу Москве – имиджа могущественнейшего (по крайней мере с XIV в.) города Руси, то с XVI в. летописцы становятся послушными проводниками выдвигаемых правителями политических концепций[5]. Потому «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», охарактеризованный Д.С. Лихачевым как «последнее большое летописное произведение, совместившее обе стихии – приказно-документальную

---

[1] См.: Домострой. – СПб., 1994. – С. 140–142.

[2] *Новомбергский, Н.Я.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. – СПб., 1906. – С. 165.

[3] Там же.

[4] *Приселков, М.Д.* История русского летописания XI–XIV вв. – Л., 1940. – С. 10.

[5] *Виноградова, Л.А.* История книжного дела в России (988–1917). Курс лекций. – М., 1991. – С. 53–73.

и хронографическую»[1], постоянно находится в поле зрения царя и создается, очевидно, тенденциозно. И как результат четко проводимой самодержавной идеологической политики для рукописной книжности вообще были характерны, особенно со второй половины XVI в., с одной стороны, создание книжных комплексов, призванных просвещать русских людей (и тем самым утверждать опять-таки величие русского самодержавия), а с другой стороны, – жестокая расправа с инакомыслием.

Таким образом, если в Европе появление книгопечатания обусловливалось потребностью населения в знаниях, то в России – потребностью власти иметь дополнительные рычаги управления народом. Распространение грамотности и образования, увеличение количества церквей и монастырей (особенно в Москве, Казани и их пределах), государственная реформа управления (реформа суда, создание стрелецкого войска, губные и земские учреждения и т.д.), необходимость исправления церковно-служебных книг – все это вело к заинтересованности в появлении книгопечатания и со стороны церкви, и со стороны правительства, и со стороны достаточно широких кругов русского общества.

Тем не менее, трудно не согласиться с исследователем Н.П. Киселевым, который писал, что и в малой степени московское книгопечатание не отражало «ни бурных политических событий, которыми так насыщены XVI и XVII вв., ни общественной жизни, ни развития культуры и литературы»[2]. В России по-прежнему не существовала печатная публицистика в собственном смысле этого слова, широко распространенная на Западе, еще не было печатной прессы. То, что было неугодно власти, выходило в рукописном варианте. И потому, как отмечал Д.С. Лихачев, чрезвычайное развитие публицистической мысли, пришедшееся на XVI в., получает свое воплощение в рукописных материалах[3], тем самым «впервые создается резкое разделение литературы на официальную и неофициальную»[4]. Эта тенденция – использование печати в качестве основного инструмента авторитарного управления – становится для России на века ведущей.

Список литературы

Будовниц, И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947.

Виноградова, Л.А. История книжного дела в России (988–1917). Курс лекций. – М., 1991.

Карамзин, Н.М. История государства Российского : в 4 кн. Кн. третья (т. VII–IX). – Ростов н/Д, 1990.

---

[1] *Лихачев, Д.С.* Прошлое – будущему. – Л., 1985. – С. 183.

[2] *Киселев, Н.П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. – Кн. II. – М., 1960. – С. 133.

[3] *Лихачев, Д.С.* Прошлое – будущему. – С. 249–257.

[4] Там же.

Лихачев, Д.С. Прошлое – будущему. – Л., 1985.

Шарков, Ф.И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь-справочник. – М., 2006.

© Шилина С.А., 2009

Л.А. Агаронян

МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АГАРОНЯН Лиана Арутюновна – соискатель ученой степени кандидата политических наук кафедры управления социальными и экологическими системами РАГС (e-mail: liana.agaronyan@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматривается проблема медиатизации политического дискурса, ставшая естественным результатом стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, оказавшего существенное влияние на все сферы общественной жизни. Медиатизация политики означает не только перенос политической активности в сферу массмедиа, но и все возрастающую зависимость политической жизни от того, насколько полно и каким образом средствами массовой информации отображаются и интерпретируются ее участники и события. В статье анализируются технологии использования СМИ как канала политических коммуникаций, как инструмента идеологического воздействия, а также как средства формирования политических имиджей и предпочтений.*

Ключевые слова: *политические коммуникации, политический дискурс, медиатизация политики, медиарепрезентация событий, медиатекст.*

Медиатизация политики означает не только перенос политической активности в сферу массмедиа, но, и это гораздо важнее, все возрастающую зависимость политической жизни от того, насколько полно и каким образом ее участники и события отображаются и интерпретируется средствами массовой информации.

Медиатизация политического дискурса стала естественным последствием стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, оказавшего существенное влияние на все сферы общественной жизни. Действительно, за последние годы роль СМИ в формировании политического дискурса неизмеримо возросла. Будучи важнейшим инструментом создания информационной картины мира, массмедиа детально фиксируют все важнейшие процессы политической жизни. Однако, как отмечают исследователи, роль СМИ не ограничивается простым отраже-